

БАХЧИСАРАЙСКІЙ
ФОНТАНЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

СОЧИНЕНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Многіе, такжे какъ и я, посѣщали
сей фонтанъ; но иныхъ уже нѣшъ,
другіе спранишують далече.

Сади.

Съ 4-мя гравированными картинами.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНИЯ,

1827.

ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Главный Цензурный Комитетъ сеѧ экземпляръ сей книги, для препровожденія куда слѣдуешъ на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Октября 20 дня, 1827 года.

Цензоръ В. Семеновъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

РАЗГОВОРЪ

МЕЖДУ ИЗДАТЕЛЕМЪ И КЛАССИКОМЪ СЪ ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЫ, ИЛИ СЪ ВАСИЛЬЕВСКАГО ОСТРОВА.

Кл. Правда ли , что молодой Пушкинъ печатаетъ новую , препью поэму , то есть , поэму по романтическому значенію , а по нашему , не знаю , какъ и назвать .

Изд. Да , онъ прислаялъ *Бахчисарайской фонтанѣ* , которой здѣсь теперь и печатается .

Кл. Нельзя не пожалѣть , что онъ много пишетъ ; скоро выпишется .

Изд. Пророчества оправдываются событиемъ ; для повѣрки нужно время ; а между

пѣмъ замѣчу, чѣо если онъ пишетъ много въ сравненіи съ нашими поэтами, копорые почти ничего не пишутъ; что пишетъ мало въ сравненіи съ другими европейскими со- служивцами. Байронъ, Вальтеръ Скоттъ и еще нѣкоторые неупомимо пишутъ, и читаются неупомимо.

Кл. Выставя эпихъ двухъ Британцевъ, вы думаеше зажать ротъ критикъ и возраженіемъ. Напрасно! Мы свойства неробкаго. Нельзя судить о дарованіи писателя по пристраснію къ нему суевѣрной черни читателей. Своенравная, она часпо оспа- вляеть безъ вниманія писателей достой- нѣйшихъ.

Изд. Не съ достойнѣйшимъ ли писателемъ имѣю честь говорить?

Кл. Эпиграмма не сужденіе. Дѣло въ

штомъ , чпо пора испинной , классической
литтературы у насть миновалась...

Изд. А я такъ думалъ , чпо еще не
наспала...

Кл. Чпо нынѣ завелась какая-то школа
новая , никѣмъ не признанная , кромъ себя
самой ; не слѣдующая никакимъ правиламъ ,
кромъ своей прихопи ; искажающая языкъ
Ломоносова , пишущая наобумъ , щеголяющая
новыми выраженіями , новыми словами...

Изд. Взятыми изъ Словаря Россійской
Академіи , и коимъ новые поэты возвра-
тили въ языкъ нашемъ право гражданства ,
похищенное , не знаю , за какое преспу-
пленіе и безъ суда : ибо до сей поры мы
руководствуемся болѣе употребленіемъ , ко-
торое свергнуто бытъ можетъ употребле-
ніемъ новымъ . Законы языка нашего еще не

приведены въ уложеніе; и какъ жаловапсья на новизну выраженій? Развѣ прикажете подчинить языкъ и поэповъ нашихъ китайской неподвижности? Смотриште на природу! Лица человѣческія, соспавленныя изъ однѣхъ и шѣхъ же частей, вылипы не всѣ въ одну физиогномію, а выраженіе есть физиогномія словъ.

Кл. Зачѣмъ же по крайней мѣрѣ давать рускимъ словамъ физиогномію нѣмецкую? Что значить у насъ эпопть духъ, эпти формы германскія? Кто ихъ ввелъ?

Изд. Ломоносовъ.

Кл. Вонгъ это забавно!

Изд. А какъ же? Развѣ онъ не бралъ въ нововводимомъ спихосложеніи своеемъ съемки съ формъ германскихъ? Развѣ не подражалъ онъ современнымъ Нѣмцамъ? Скажу болѣе.

Возмите при знамени пыл эпохи въ исторіи
нашей літературы : вы въ каждой найде-
те отпечатокъ германской. Эпоха пре-
образованія, сдѣланная Ломоносовымъ въ рус-
комъ спихотворствѣ ; эпоха преобразованія
въ руской прозѣ , сдѣланная Карамзинымъ ;
нынѣшнее волненіе , волненіе романтическое
и пропивозаконное, если такъ хотите наз-
вать его , не явно ли показываютъ господ-
ствующую наклонность літературы на-
шей! И такъ наши поэты-современники слѣду-
ютъ движению , данному Ломоносовымъ : раз-
ница только въ томъ , что онъ слѣдовалъ
Гинперу и нѣкоторымъ другимъ изъ совре-
менниковъ , а не Гёте и Шиллеру. Да и у
насъ ли однихъ германскія музы распроспра-
няютъ свое владычество ? Смотришь и во
Франціи , въ государствѣ , которое , по

крайней мѣрѣ въ липпіерапурномъ отношениі, едва не оправдало честолюбиваго мечтателя о вселірной державѣ, и во Франціи сіи хищницы пріемлюютъ уже нѣкоторое господство, и выпѣсняютъ мѣстныя, наслѣдственныя власти. Поэты, современники наши, не болѣе грѣшны поэтовъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ русскаго покрова въ липпіерапурѣ; можетъ быть и не будетъ его, попому чѣмъ нѣсть; но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, такъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, какъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую вы симпатіесь выставили за классическую. Чѣмъ есть народнаго въ Пепірадѣ и Россіадѣ, кромѣ именъ?

Кл. Чѣмъ такое народноспѣ въ словесно-

стии? Этой фигуры нѣть ни въ піппикѣ Аристопелля, ни въ піппикѣ Горація.

Изд. Нѣть ея у Горація въ піппикѣ, но есть она въ его твореніяхъ. Она не въ правилахъ, но въ чувствахъ. Отпечатокъ народности, мѣстности: вопрь чѣо сославляется, можетъ бысть, главное, существеннѣйшее достоинство древнихъ и утверждаетъ ихъ право на вниманіе потомства. Глубокомысленный Миллеръ недаромъ во всеобщей исторіи своей * указалъ на Каптула въ числѣ источниковъ и упомянулъ о немъ въ характеристицѣ того времени.

Кл. Ужъ вы, кажеся, хотите въ свою вольницу романниковъ завербовать и древнихъ классиковъ. Того смотри, что и Омеръ и Виргилій были романники.

* Quellen der Geschichte der Römer.

Изд. Назовите ихъ, какъ хотите; но не пытъ сомнѣнія, что Омеръ, Горацій, Эсхилъ имѣють гораздо болѣе сродства и соотношеній съ главами романтической школы, нежели съ своими холодными, рабскими послѣдователями, кои силятся быть Греками и Римлянами заднимъ числомъ. Не уже ли Омеръ сопворилъ Иліаду, предугадывая Аристотеля и Лонгина, и въ угоденіе какой-то классической совѣсти, еще никогда не вымышленной? Да и позвольте спросить у себя и у старѣйшинъ вашихъ, опредѣлено ли въ точности, что такое романтической родѣ, и какія имѣетъ онъ отношенія и пропивоположности съ классическими? Признаюсь, по крайней мѣрѣ за себя, что еще не случилось мнѣ отыскать ни въ книгахъ, ни въ умѣ своемъ, сколько о томъ ни

чишаль, сколько о томъ ни думалъ, полнаго, математического, удовлетворительного рѣшенія этой задачи. Многіе вѣрюють въ классической родѣ потому, что такъ имъ вѣлько; многіе не признаютъ романтическаго рода потому, что онъ не имѣетъ еще законодательей, обязавшихъ въ вѣрности безусловной и беспрекословной. На романтизмъ смотрятъ, какъ на анархію своевольную, разрушительницу постановленій, освященныхъ древностю и сувѣріемъ. Шлегель и г-жа Сталь не облечены въ лапы свинцового педантизма, отъ нихъ не несетъ схоластическою важностью, и правила ихъ для нѣкоторыхъ людей не имѣютъ вѣса, потому что не налагають съ важностью; не всѣ изъ настѣ поддаются заманчивости, увлеченію, многіе только что поработающіеся господству. Стадо подражателей

лей, о коихъ говорить Гораций, не переводится изъ рода въ родъ. Что дѣйствуетъ на умы многихъ учениковъ? Добрая указка, коею учили по пальцамъ вбивають умъ въ своихъ слушателей. Чемъ пастырь гонитъ свое спадо по дорогѣ прогонной? Твердымъ посохомъ. Наша братья любятъ работѣпсивовать...

Кл. Вы такъ много мнѣ здѣсь наговорили, что я не успѣлъ кспапи сдѣлать оппорть вамъ слѣдующимъ возраженіемъ: доказательствомъ, что въ романтической литературѣ нѣтъ никакаго смысла, можетъ служить то, что и самое название ея не имѣетъ смысла опредѣленнаго, утвержденнаго общимъ условіемъ. Вы сами признались въ этомъ: весь свѣтъ знаетъ, что такое классическая литература, чего она пребуеетъ...

Изд. Потому что условились въ опредѣленіи, а для романтической литературы еще не было времени условиться. Начало ея въ природѣ; она есть; она въ обращеніи, но не поступила еще въ руки анапомиковъ. Дайте срокъ; придѣтъ часъ: пе-данство и на ея воздушную одежду положить свинцовое клеймо. Въ коппоромъ нибудь сполѣтіи Байронъ, Томасъ Муръ, какъ нынѣ Анакреонъ или Овидій попадутся подъ рѣзецъ испытателей, и цвѣты ихъ яркой и свѣжей поэзіи попускнѣютъ опь каби-нейной пыли, и закоппятся опь лампа-днаго чада комменциаторовъ, антикваріевъ, схоластиковъ, прибавимъ, если только въ будущихъ сполѣтіяхъ найдутся люди, живущіе чужимъ умомъ, и кои, подобно Вампирамъ, роются въ гробахъ, глажутъ и

жуюпъ мерпвыхъ , не забывая припомнъ ку-
сашь и живыхъ . . .

Кл. Позвольте , между шѣмъ , замѣтишь
вамъ мимоходомъ , чпо ваши отспутненія
совершенно романтическія . Мы начали го-
ворить о Пушкинѣ , отъ него кинуло нась
въ древность , а теперъ забѣжали вы и въ
будущія сполѣшія .

Изд. Биноватъ : я и забылъ , чпо для ва-
шего братца классика такіе походы не въ си-
лу . Вы держитесь единства времени и мѣ-
ста . У васъ умъ домосѣдъ . Извините , я
остепенюсь ; чего вы опѣ менѧ желаете ?

Кл. Я желалъ бы знать о содержаніи шакъ
называемой поэмы Пушкина . Признаюсь , изъ
заглавія не понимаю , чпо шупль можетъ
быть годнаго для поэмы . Понимаю , чпо можно
написать къ фонтану спансы , даже оду...

Изд. Да, п'ємъ бол'є, чи то у Горація уже
еспь Бландускій клють.

Кл. Впрочемъ мы романниками пріучены
къ нечаянноспамъ. Заглавіе у нихъ эласпи-
ческаго свойства: споипъ только захо-
тъпъ, и оно обхватитъ все видимое и не-
видимое; или обѣщаепъ одно, а исполнить
совершенно другое. Но разскажите мнѣ...

Изд. Преданіе, извѣстное въ Крыму и поны-
нѣ, служитъ основаніемъ поэмъ. Разсказы-
ваютъ, что ханъ Керимъ Гирей похилъ
красавицу Потоцкую и содержалъ ее въ
Бахчисарайскомъ гаремѣ; полагаютъ даже,
что онъ былъ обвѣнчанъ съ нею. Пре-
даніе сіе сомнителъно, и г. Муравьевъ-
Апостолъ, вѣ путешествіи своемъ по Та-
вридѣ, восстаепъ и, кажется, доволь-
но основательно, пропивъ вѣроятія сего

разсказа. Какъ бы то ни было, сіе преданіе есть доспояніе поэзіи.

Кл. Такъ, въ наше время обратили музъ въ разскашицъ всякихъ небылицъ! Гдѣ же до-
споинство поэзіи, если пипать ее однѣми
сказками?

Изд. Испоря не должна быть легковѣрна; поэзія напропивъ. Она часто дорожитъ тѣмъ, что первая отвергаетъ съ презрѣniемъ, и нашъ поэтъ очень хорошо сдѣлалъ, присвоивъ поэзіи Бахчисарайское преданіе, и обогативъ его правдоподобными вымыслами; а еще и то-
го лучше, что онъ воспользовался тѣмъ и другимъ съ оптичнымъ искусствомъ. Цвѣтъ мѣстности сохраненъ въ повѣстиваніи со всевозможной свѣжестью и яркостью. Если опиечатокъ вос точный въ картинахъ, въ самыхъ чувствахъ, въ слогѣ. По мнѣнию су-

дей, коихъ приговоръ можетъ счишаться окончательнымъ въ словесности нашей, поэтъ явилъ въ новомъ произведеніи признакъ дарованія зреющаго болѣе и болѣе.

Кл. Кто эти суді? Мы другихъ не признаемъ, кроме *Вѣстника Европы* и *Благонадѣреннаго*, * и по попому, ч то пишемъ съ ними заодно. Дождемся, ч то они скажутъ!

Изд. Ждите съ Богомъ! А я пока скажу, ч то разсказъ у Пушкина живъ и занимашленъ. Въ произведеніи его движенія много. Въ раму довольно пѣсную вложилъ онъ дѣйствіе полное, не огъ множества лицъ и сцѣпленія различныхъ приключеній, но огъ искусства, съ какимъ поэту умѣлъ выставитъ и огънилъ главныя лица своего повѣстованія. *Дѣйствіе* зависитъ, такъ сказать, огъ *дѣя-*

* Писано въ 1823 г.

тельности дарованія: слогъ придаєтъ ему крылья, или гирями замедляетъ ходъ его. Въ твореніи Пушкина участіе чипашеля поддерживается съ начала до конца. До эпой шайны иначе доспигнуть нельзѧ, какъ заманчивостью слога.

Кл. Со всѣмъ тѣмъ я увѣренъ, чпо, по обыкновенію романтическому, все эпто дѣйствіе только слегка обозначено. Чипашель въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть подмасперьемъ автора и за него доказывать. Легкие намеки, шуманныя загадки: вотъ маперіалы, изготовленные романтическимъ поэтомъ, а памъ чипашель дѣлай изъ нихъ, чпо хочешь. Романтической зодчій оспавливаетъ на произволъ каждому распоряженіе и устройство зданія, сущаго воздушнаго замка, не имѣющаго ни плана, ни основанія.

Изд. Вамъ не довольно того, что вы передъ собою видите зданіе красивое: вы требуете еще, чтобъ видѣть бывъ и оставилъ его. Въ изящныхъ твореніяхъ довольно одного дѣйствія общаго; чѣмъ за охота видѣть производство? Твореніе искусства обманъ. Чѣмъ менѣе выказывается прозаическая связь въ частяхъ, тѣмъ болѣе выгоды въ отношеніи къ цѣлому. Частные мѣстоименія въ рѣчи замедляютъ ея печеніе, охлаждаютъ разсказъ. Если въ изображеніи и въ смыслѣ такжѣ свои мѣстоименія, опять коихъ дарование спарается отдѣльиваться удачными эллипсисами. Зачѣмъ все высказывать и на все напирать, когда имѣемъ дѣло съ людьми понятія дѣятельного и оспраго? А о людяхъ понятія лѣниваго, пущаго и думать нечего. Это напоминаетъ мнѣ объ одномъ классическомъ

читатель, который никакъ не понималъ, чѣмъ сдѣлалось въ *Кавказскомъ Пленнике* съ Черкешенкою при спихахъ:

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струйстый исчезающъ кругъ.

Онъ пѣнъ *поэму*, зачѣмъ шопть не облегчилъ его догадливости, сказавъ прямо и буквально, что Черкешенка бросилась въ воду и утонула. Оспавимъ прозу для прозы! И такъ довольно ея въ житейскомъ быту и въ спико-хопвореніяхъ, печатаемыхъ въ *Вѣсникѣ Европы*.

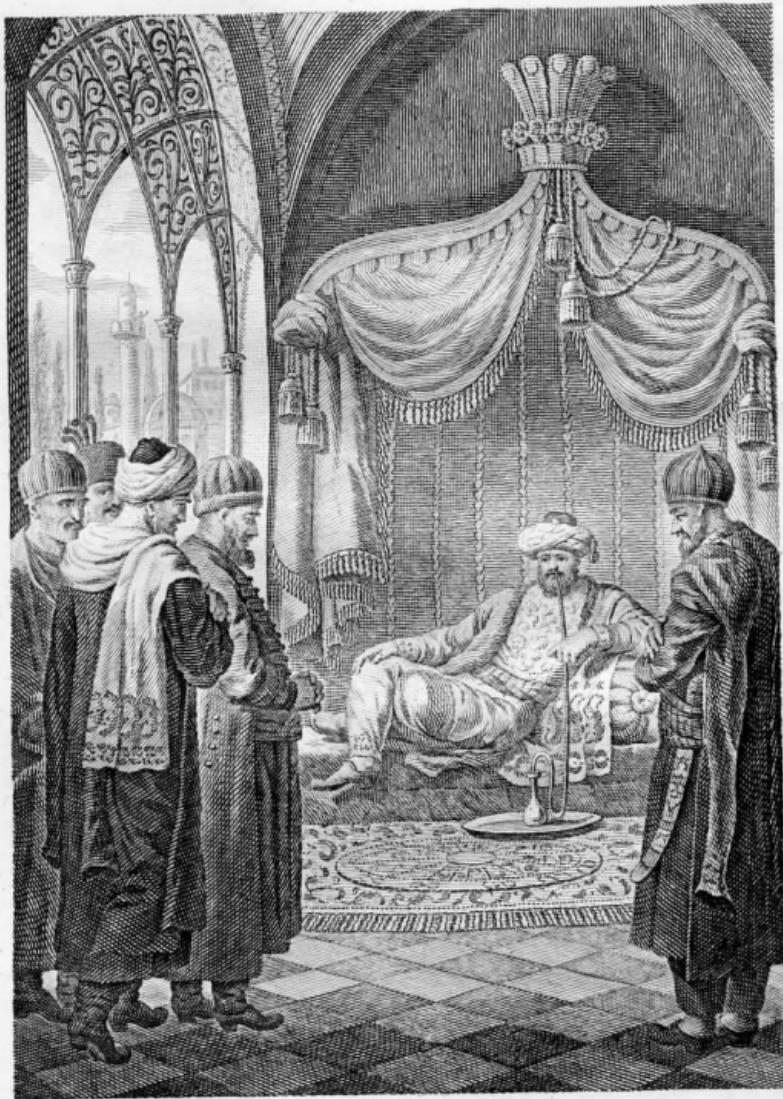
P. S. Тутъ классикъ мой оставилъ меня съ торопливостію и гнѣвомъ, и мнѣ вздумалось положить на бумагу разговоръ, происходившій между нами. Перечитывая его, я вздумалъ, что могутъ подозрѣвать меня въ лукавствѣ; скажуши: «издатель нарочно

ослабилъ возраженія своего пропивника, и съ умысломъ утаилъ все, чѣмъ могло вырваться у него дѣльнаго въ защиту своего мнѣнія! » — Передъ недовѣрчивостію оправдываться напрасно! Но пускай обвинители примутъ на себя трудъ перечитать все, чѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ журналовъ нашихъ было сказано и пересказано на счетъ романтическихъ опытovъ и вообще на счетъ новаго поколѣнія поэзіи нашей: если изъ всего этого выключить грубыя личности и пошлые насмѣшки, то безъ сомнѣнія каждый легко увѣрился, что мой собесѣдникъ подъ пару своимъ журнальнымъ клевретамъ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

БАХЧИСАРАЙСКІЙ

ФОНТАНЪ.

Гирей сидѣлъ, попутя взоръ;
Яшарь въ усахъ его дымился;
Безмолвно работѣпный дворъ
Вокругъ хана грознаго шѣснился.
Все было шико во дворѣ;
Благоговѣя, всѣ чипали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.

Но повелишель горделивой
 Махнумъ рукой неперпѣливой:
 И вѣсъ, склонившиесь, идупъ воинъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
 Свободнѣй грудь его взыхаетъ,
 Живѣе строгое чело
 Волненіе сердца выражаетъ.
 Такъ бурны шучи опражаетъ
 Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
 Какою мыслью занять онъ?
 На Русь ли вновь идеть войною,

Несетъ ли Польшъ свой законъ,
Горитъ ли месилю кровавой,
Ошкрыль ли въ войскѣ заговоръ,
Спрашишся ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой;
Успала грозная рука;
Война опять мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна
Спезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гляну сердце отдала?

Нѣшь, жены робкія Гирся,
 Ни думашь, ни желашь не смѣя,
 Цвѣтушь въ унылой шишинѣ;
 Подъ спражей бдительной и хладной
 На лонѣ скучи безопрадной
 Измѣнѣ не вѣдають онѣ.
 Въ шѣни хранищельной тьемницы
 Упаены ихъ красоты:
 Такъ аравійскіе цвѣты
 Живутъ за спеклами щеплицы.
 Для нихъ унылой чередой
 Дни, мѣсяцы, лѣта проходяще
 И непримѣнно за собой
 И младость и любовь уводяще.
 Однообразенъ каждый день

И медленно часовъ теченье.
 Въ гаремѣ жизнью правилъ лѣнь ;
 Мелькаешь рѣдко наслажденье ;
 Младыя жены, какъ нибудь
 Желая сердце обмануть ,
 Мѣняешь пышные уборы ,
 Заводяшь игры , разговоры ,
 Или при шумѣ водъ живыхъ ,
 Надъ ихъ прозрачными спрятаными
 Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
 Гуляюшь легкими роями .
 Между ними ходишь злой эвинукъ
 И убѣгашь его напрасно :
 Его ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуешь всечасно .

Его сшараньемъ заведёнъ
 Порядокъ вѣчный. Воля хана
 Ему единственный законъ;
 Святую заповѣдь Корана
 Не спроже наблюдаешьъ онъ.
 Его душа любви не проситъ;
 Какъ испукань, онъ переносишь
 Насмѣшки, ненавись, укоръ,
 Обиды шалости нескромной,
 Презрѣнья, просьбы, робкій взоръ,
 И тихій вздохъ, и ропотъ шомной.
 Ему извѣстенъ женскій нравъ;
 Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ и въ неволѣ:
 Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой

Невласпны надъ его душой;
Онъ имъ уже не вѣришъ болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идуши пльнницы младыя
Купашься въ жаркіе часы,
И льющія волны ключевыея
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ спорожъ неоплучный,
Онъ шупъ; онъ видишъ, равиодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тмѣ ночной
Неслышиными шагами бродишъ:
Спущая шихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадешся дверямъ,

Отъ ложа къ ложу переходитъ ;
 Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ жѣнь
 Роскошный наблюдаешьъ сонъ ,
 Ночной подслушиваешьъ лепетъ ;
 Дыханье, вздохъ, малѣйшій препетъ ,
 Все жадно примѣчаешьъ онъ :
 И горе шой, чей шопотъ сонной
 Чужое имя призывалъ ,
 Или подругѣ благосклонной
 Порочны мысли довѣрялъ !

Чѣмъ полонъ грусти умъ Гирея ?
 Чубукъ въ рукахъ его попухъ ;
 Недвижимъ и дохнуши не смѣя ,
 У двери знака ждешь эвнухъ .

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Встаетъ задумчивый властитель:
Предъ нимъ дверь настежъ. Молча, онъ
Идетъ въ завѣшную обитель
Еще недавно-милыхъ жёнъ.

Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фоншана
На шелковыхъ коврахъ онъ
Толпою рѣзою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныхъ
Роняли серги золотые.
Кругомъ невольницы межъ шѣмъ

Шербетъ носили аромашной
 И пѣснию звонкой и пріятной
 Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

« Даруепъ небо человѣку
 Замѣну слезъ и часныхъ бѣдъ :
 Блаженъ факиръ , узрѣвшій Меку
 На спароспи печальныхъ лѣпъ.

2.

« Блаженъ , кто славный брегъ Дуная
 Свою смертью освятишъ :
 Къ нему павспрѣчу дѣва рая
 Съ улыбкой спрасній полетишъ.

3.

« Но поспѣй блаженнѣй , о Зарема ,
 Кто , миръ и нѣгу возлюбя ,
 Какъ розу , въ шишинѣ гарема
 Лелѣшь , милая , тебѧ. »

Онѣ поюпъ. Но гдѣ Зарема ,
 Звѣзда любви , краса гарема ?
 Увы , печальна и блѣдна ,
 Похвалъ не слушаетъ она ;
 Какъ пальма , смятая грозою ,
 Поникла юной головою ;
 Ничто , ничто не мило ей :
 Зарему разлюбилъ Гирей .

**

Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
 Грузинка, равенъ красоппою?
 Вокругъ лилейнаго чела
 Ты косу дважды обвила;
 Твои плѣнишельныя очи
 Яснѣе дня, чернѣе ночи.
 Чей голосъ выразить сильнѣй
 Порывы пламенныхъ желаній?
 Чей спрастный поцѣлуй живѣй
 Твоихъ язвишельныхъ лобзаній?
 Какъ сердце, полное тобой,
 Забытая для красы чужой?
 Но, равнодушный и жестокой,
 Гирей презрѣль твои красы
 И ночи хладные часы

Проводить мрачный, одинокой
 Съ шѣхъ поръ, какъ Польскаго княжна
 Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
 Узрѣла небеса чужія;
 Недавно милою красотой
 Она цвѣла въ странѣ родной;
 Сѣдой отецъ гордился ею
 И звалъ отрадою своею.
 Для спарика была законъ
 Ея младенческая воля.
 Одну заботу вѣдалъ онъ:
 Чтобъ дочери любимой доли
 Была, какъ вешній день, ясна;

Чтобъ и минутныя печали
 Ея души не помрачали;
 Чтобъ даже замужемъ она
 Вспоминала съ умиленьемъ
 Дѣвичье время, дни забавъ,
 Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
 Все въ ней плѣняло: шихій нравъ,
 Движенья спройныя, живыя
 И очи томно-голубые.
 Природы милые дары
 Она искусствомъ украшала;
 Она домашніе пиры
 Волшебной арфой оживляла;
 Толпы вельможъ и богачей
 Руки Маріиной искали,

И много юношей по ней
 Въ спраданы шайномъ изнывали.
 Но въ птишинѣ души своей
 Она любви еще не знала
 И независимый досугъ
 Въ опцовскомъ замкѣ межъ подругъ
 Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тмы Татарь
 На Польшу хлынули рѣкою :
 Не съ споль ужасной быстропою
 По жаривѣ спелешся пожаръ.
 Обезображеній войною ,
 Цвѣпущій край осиропѣль ;
 Исчезли мирные забавы ;

Уныли села и дубравы
 И пышный замокъ опустѣль.
 Тиха Маріина свѣтица...
 Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
 Почиопть мощи хладнымъ сномъ,
 Съ короной, съ княжескимъ гербомъ
 Воздвиглась новая гробница...
 Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
 Скупой наследникъ въ замкѣ правилъ
 И тягостнымъ ярмомъ безславилъ
 Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Бахчисарай
 Скрываетъ юную княжну:
 Въ неволѣ тихой увядая,

Марія плачетъ и груститъ.
 Гирей нещаспную щадитъ:
 Ея унынье, слезы, споны
 Тревожашъ хана крашкій сонъ,
 И для нея смягчаешъ онъ
 Гарема спротогіе законы.
 Угрюмый спорожъ ханскихъ жёнъ
 Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
 Рукой забопливой не онъ
 На ложе сна ее возводитъ;
 Не смеетъ успремицься къ ней
 Обидный взоръ его очей;
 Она въ купальнѣ попшаеної
 Одна съ невольницей своей;
 Самъ ханъ боится дѣвы плѣяной

Печальный возмущашь покой;
 Гарема въ дальнемъ ошдалены
 Позволено ей жить одной:
 И , мнишся , въ томъ уединены
 Сокрылся нѣкто неземной.
 Тамъ день и ночь горитъ лампада
 Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой ;
 Души поскующей отрада ,
 Тамъ упованье въ шишинѣ
 Съ смиренной вѣрой обишаешь ,
 И сердцу все напоминаешь
 О близкой , лучшей споронѣ . . .
 Тамъ дѣва слезы проливаешь
 Вдали зависпливыхъ подругъ ;
 И между пѣмъ , какъ все вокругъ

Въ безумной нѣгѣ упопаетъ ,
Святыню строгую скрываєтъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жерпва заблужденій ,
Среди порочныхъupoеній,
Хранишъ одинъ священный залогъ ,
Одно божественное чувствство...

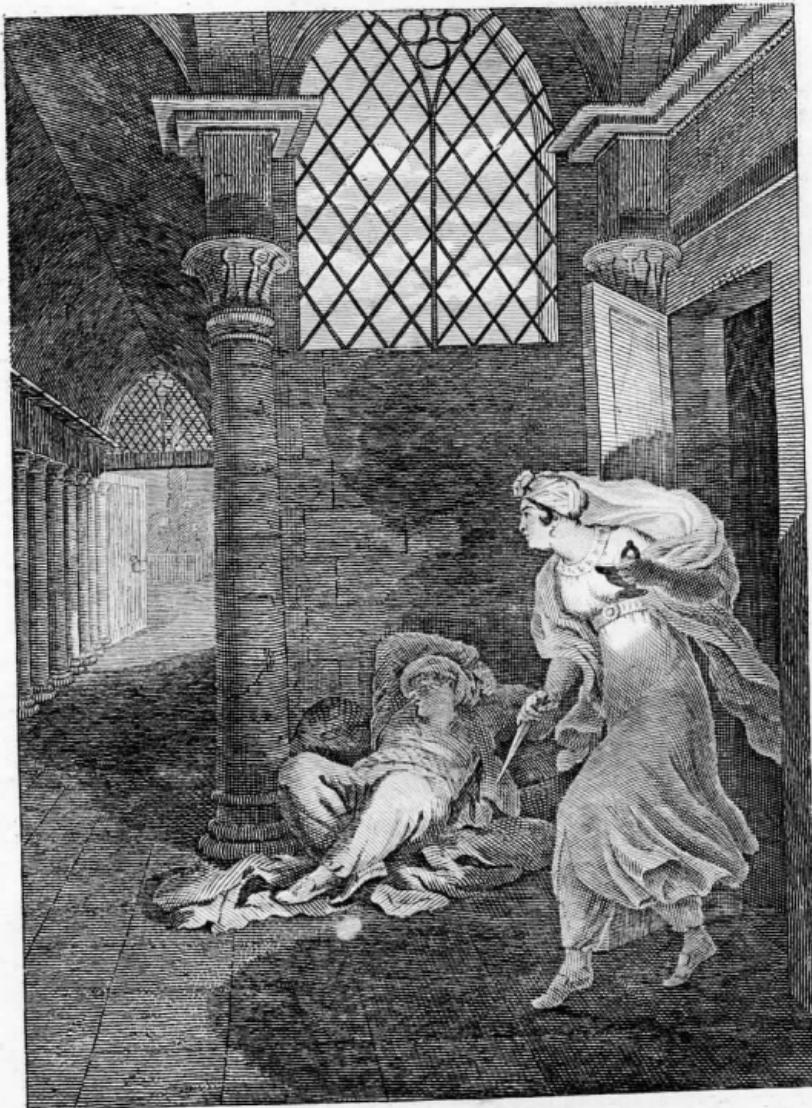
Настала ночь ; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля ;
Вдали подъ шихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья ;
За хоромъ звѣздъ луна возходитъ ;
Она съ безоблачныхъ небесъ

На долы, на холмы, на лѣсь
 Сіянье шомное наводишъ.
 Покрыты бѣлой пеленой,
 Какъ шѣни легкія мелькая,
 По улицамъ Бахчисарай,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
 Проспыхъ Ташаръ спѣшашъ супруги
 Дѣлишь вечерніе досуги.
 Дворецъ утихъ; уснуль Гаремъ,
 Объятый нѣгой безмятежной;
 Не прерываєшся ничѣмъ
 Спокойствіо ночи. Спражъ надежный,
 Дозоромъ обошелъ эвнухъ.
 Теперь онъ спитъ; но спрахъ прилежный
 Тревожишъ въ немъ и спящій духъ.

Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даетъ уму.
 То чей-то шорохъ, что шептанье,
 То крики чудящихся ему;
 Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
 Онъ пробуждаешся, дрожишь,
 Напуганнымъ приникнувъ ухомъ...
 Но все кругомъ него молчишь;
 Одни фоншаны сладкозвучны
 Изъ мраморной шемницы бьюшь,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракѣ соловьи поюшь;
 Эвнухъ еще имъ долго внемлешь,
 И снова сонъ его объемлешь.

Какъ милы тьмныя красы
 Ночей роскошнаго воспока!
 Какъ сладко льющся ихъ часы
 Для обожашелей Пророка!
 Какая нѣга въ ихъ домахъ,
 Въ очаровашельныхъ садахъ,
 Въ шиши гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ луны
 Все полно шайшъ и шишины
 И вдохновеній сладострастныхъ!

Всѣ жены спяшь. Не спишь одна.
 Едва дыша, всшаешь она;
 Идешь; рукою торопливой
 Опкрыла дверь: во шмѣ ночной

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Ступаешь легкою ногой...
 Въ дремошѣ чушкой и пугливой
 Предъ ней лежишь эвнухъ съдой.
 Ахъ, сердце въ немъ неумолимо :
 Обманчивъ сна его покой !...
 Какъ духъ, она проходишь мимо.

Предъ нею дверь: съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка...
 Вошла, взираешь съ изумленьемъ...
 И шайный страхъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣшъ уединенный,
 Кивопть, печально озаренный,
 Пречистой Дѣвы крошкий ликъ

И Крестъ, любви символъ священный,
 Грузинка, все въ душѣ твоей
 Родное чпо-то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невняшно вдругъ заговорило.
 Предъ ней покоилась княжна,
 И жаромъ дѣвственаго сна
 Ея ланипы оживлялись
 И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
 Улыбкой шонной озарялись:
 Такъ озаряешь лунный свѣтъ
 Дождемъ опягощенный цвѣтъ;
 Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема,
 Казалось, ангель почиваль
 И сонный слезы проливаль

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

О бѣдной плѣнницѣ гарема...
 Увы, Зарема, чѣто съ тобой !
 Спѣснилась грудь ея шоской,
 Невольно клонящаяся колѣни,
 И молитвѣ: « сжалъся надо мной,
 Не отвергай моихъ моленій ! »...
 Ея слова, движенье, споны
 Прервали дѣвицы тихій сонъ.
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зрила;
 Въ смятеньи, препечной рукою
 Ее подъемля, говорила:
 « Кто ты?... Одна, порой ночною,
 Зачѣмъ ты здѣсь? » — Я шла къ тебѣ:
 Спаси меня; въ моей судьбѣ

Одна надежда мнѣ осталась...
 Я долго счастьемъ наслаждалась,
 Была безпечный день опять дня...
 И шѣнь блаженства миновалась ;
 Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь , далеко ,
 Далеко... но минувшихъ дній
 Предметы въ памяти моей
 Донынѣ врѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ ,
 Потоки жаркіе въ горахъ ,
 Непроходимыя дубравы ,
 Другой законъ , другие нравы ;
 Но почему , какой судьбой

Я край оставил родной:
Не знаю; помню только море
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами...

Спрахъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной пиши
Въ тѣни гарема разцвѣтала
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья пайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги
И свой гаремъ опять уэрѣлъ.

★ ★

Предъ хана въ смущномъ ожиданыи
 Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
 Остановилъ на мнѣ въ молчаньи,
 Позвалъ меня.... и съ эшихъ поръ
 Мы въ безпрерывномъ упоеньѣ
 Дышали счастьемъ; и не разъ
 Ни клевета, ни подозрѣнья,
 Ни злобной ревности мученье,
 Ни скуча не смущала насъ.
 Марія, ты предъ нимъ явилась...
 Увы, съ тѣхъ поръ его душа
 Преспущной думой омрачилась!
 Гирей; измѣною дыша,
 Моихъ не слушаешь укоровъ;
 Ему докученъ сердца спонъ;

Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
 Со мною не находишь онъ.
 Ты преступленью не причасна;
 Я знаю: не швоя вина...
 И такъ послушай: я прекрасна;
 Во всемъ гаремъ ты одна
 Могла бъ еще мнѣ бысть опасна;
 Но я для спрасши рождена,
 Но ты любишь, какъ я, не можешь;
 Зачѣмъ же хладной красотой
 Ты сердце слабое превожишь?
 Оставь Гирея мнѣ; онъ мой;
 На мнѣ горячъ его лобзанья,
 Онъ кляшвы спрашныя мнѣ далъ,
 Давно всѣ думы, всѣ желанья

Гирей съ моими сочесаль ;
 Меня убѣшь его измѣна...
 Я плачу; видишь, я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобой,
 Молю, винишь шебя не смѣя,
 Опдай мнѣ радость и покой,
 Опдай мнѣ прежняго Гирея...
 Не возражай мнѣ ничего ;
 Онъ мой: онъ ослѣпленъ тобою.
 Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
 Чѣмъ хочешь, отврати его ;
 Клянись... (хопь я для Алкорана ,
 Между невольницами хана,
 Забыла вѣру прежнихъ дней ;
 Но вѣра матери моей

Была швоя) клянись мнѣ ею
 Зарему возвратишь Гирею...
 Но слушай: если я должна
 Тебѣ... книжаломъ я владѣю,
 Я близъ Кавказа рождена. »

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
 Не смѣялъ сдѣловать княжна.
 Невинной дѣвѣ непонятенъ
 Языкъ мучительныхъ спрасшей:
 Но голосъ ихъ ей смущно внятенъ;
 Онь страненъ, онъ ужасенъ ей.
 Какія слезы и моленія
 Ее спасутъ опять посрамленья?
 Что ждеть ее? Уже ли ей

Оспапокъ горькихъ юныхъ дней
 Провеснь наложницеј презрѣнной?
 О Боже! если бы Гирей
 Въ ея тьемницѣ отдаленой
 Забылъ несчастную навѣкъ,
 Или кончиной ускоренной
 Унылы дни ея пресѣкъ,
 Съ какою бѣ радоспью Марія
 Оставила печальный свѣтъ!
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
 Ужъ сї пора, Марію ждуть,
 И въ небеса, на лоно мира,
 Родной улыбкою зовутъ.

Промчались дни; Маріи нѣшъ.
 Мгновенно сирота почила.
 Она давно-желанный свѣтъ,
 Какъ новый ангель, озарила.
 Но чѣмъ же въ гробъ ее свело?
 Тоска ль неволи безнадежной,
 Болѣнь, или другое зло? . . .
 Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!...
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
 Его Гирей опять оставилъ;
 Съ шолпой Ташаръ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ

Несется мрачный, кровожадный :
 Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
 Таится пламень безопрадный.
 Онъ часто въ сѣяхъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха
 Недвижимъ оспаеся вдругъ ,
 Глядитъ съ безуміемъ вокругъ ,
 Блѣдишь , будто полный спраха ,
 И что-то шепчетъ , и порой
 Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый , преданный презрѣнию
 Гаремъ не зритъ его лица ;
 Тамъ ; обреченные мученью ,
 Подъ спражей хладнаго скопца

Старѣють жены. Между ними
 Давно Грузинки нѣсть; она
 Гарема спражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена.
 Въ шу ночь, какъ умерла княжна,
 Свершилось и ея спраданье.
 Какая бъ ни была вина,
 Ужасно было наказанье!

Опустошивъ огнемъ войны
 Кавказу близкія страны
 И села мирныя Россіи,
 Въ Тавриду возвратился ханъ
 И, въ память горестной Маріи,
 Воздвигнуль мраморный фонтанъ

Въ углу дворца уединенный.
 Надъ нимъ Крестомъ осѣнена
 Магомешанская луна
 (Символъ конечно дерзновенный,
 Незнанья жалкая вина).
 Есть надпись: *Вдкими годами*
 Еще не сгладилась она.
 За чуждыми ея черпами
 Журчить во мраморъ вода
 И каплеть хладными слезами,
 Не умолкая никогда.
 Такъ плачешь машь во дни печали
 О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
 Младыя дѣвы въ твой странѣ
 Преданье старины узнали,

И мрачный памятникъ онъ
 Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ ,
 Пиры надолго забывая ,
 Я поѣшилъ Бахчисарая
 Въ забвеньи дремлющій дворецъ .
 Среди безмолвныхъ переходовъ
 Бродилъ я шамъ , гдѣ , бичъ народовъ ,
 Ташаринъ буйный пироваль
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣни упопалъ .
 Еще понынѣ дышепъ нѣга
 Въ пустыхъ покояхъ и садахъ ;
 Играюшъ воды , рдѣюшъ розы ,

И вьются виноградны лозы,
 И злапо блещетъ на спѣнахъ.

 Я видѣлъ вешхія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ,
 Янтарны разбирая чепки,
 Вздыхали жены въ шишинѣ.

 Я видѣлъ ханское кладбище,
 Владыкъ послѣднее жилище.

 Сіи надгробные сполбы,
 Вѣчанны мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣшъ судьбы
 Гласили вняшною мольвою.

 Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ!
 Кругомъ все пихо, все уныло,
 Все измѣнилось... но не шѣмъ

Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фоншановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу лепучей пынио
Мелькала дѣва предо мной!...

Чью пынь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неопразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема

Носилась , ревноспью дыша ,
Средь опустѣлago Гарема ?

Я помню споль же милый взглядъ
И красоту еще земную ...

Поклонникъ музъ , поклонникъ мира ,
Забывъ и славу и любовь ,
О , скоро васъ увижу вновь
Брега веселые Салгира !
Приду на склонъ приморскихъ горъ ,
Воспоминаній шайныхъ полный ,
И вновь Таврическія волны
Обрадующъ мой жадный взоръ .

Волшебный край, очей отрада !
 Все живо шамъ : холмы, лѣса,
 Янтарь и яхонть винограда ,
 Долинъ пріопная краса ,
 И спруй и шополей прохлада ;
 Все чувство пушника манилъ ,
 Когда, въ часъ упра безмятежной ,
 Въ горахъ , дорогою прибрежной ,
 Привычный конь его бѣжишъ ,
 И зеленѣющая влага
 Предъ нимъ и блещеть и шумитъ
 Вокругъ ущесовъ Аю-дага...

Желая познакомить читателей, не бывавшихъ въ Тавридѣ, со сценою повѣстованія поэта нашего, предлагаемъ имъ здѣсь выписку изъ любопытнаго и занимательнаго путешествія по Тавридѣ, изданнаго И. М. Муравьевымъ-Аpostоломъ.

« Вчера ввечеру , подъехавъ къ Бахчиса-
раю и спускавшись въ ущелину , въ кото-
рой онъ лежитъ , я засвѣтилъ успѣль иоль-
ко проѣхать длинную улицу , ведущую къ
Хан-сараю (т. е. къ ханскому дворцу) , на
восточномъ концѣ города находящемуся .
Солнца давно уже не видно было за го-
рами , и сумракъ начиналь сгущаться , ког-
да я вступилъ на первый дворъ сарая . Этпо
не помѣшало мнѣ пробѣжать по перемамъ
и дворамъ Таврической Аламбры ; и чѣмъ
менѣе видимы становились предметы , тѣмъ
живѣе дѣлалась игра воображенія моего ,
наполнившагося радужными цвѣтами восточ-
ной поэзіи .

Я поведу тебя , мой другъ , не изъ поко-
евъ , но , такъ какъ должно , отъ вѣшнихъ

воротъ, въ которыя проѣздъ съ улицы, по моспу, чрезъ узкую *грязную рѣтку* Сурукъ-су. Прошедь въ ворота, ишь на первомъ дворѣ, на пространномъ паралелограмѣ, ко-его, пропивоположный входу, малый бокъ граничишъ съ садовыми террасами; оба же большіе заняты на лѣвой споронѣ ме-чепью и службами; а съ правой дворцемъ, состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой споронѣ, чрезъ ворота, подъ строеніемъ находящіяся, ишь проходиши во внутренній дворъ, гдѣ ишопъ часъ на лѣвой рукѣ представляются тебѣ желѣзныя двери, пестро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оппоманской луны.

Переспупивъ за порогъ, ишь въ проспран-ныхъ сѣнахъ на мраморномъ помостѣ и

на правой рукѣ видишь широкое крыльцо, ведущее на верхнія палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасные фонтана, безпрепанно льющіе воду изъ спѣны, и бѣлые мраморныя чаши, одинъ насупротивъ дверей, другой напротивъ часы нальво.

Дабы не оставилъ ничего недосказаннаго о семъ нижнемъ помостѣ, замѣнимъ широкій коридоръ отъ лѣваго угла противоположно входу спѣны, ведущей прямо въ домовую ханскую божницу, надъ дверью коей начертано :

Селамидъ-Гирей ханъ, сынъ Гаджи-
Селимъ Гирея хана *.

Другая дверь того же коридора нальво даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ спѣнъ до половины покоя,

* Селамидъ владѣлъ онъ 1587 по 1610.

съ мраморнымъ посреди онаго водомепомъ. Эпто убѣжище прелестно прохладою въ знойные часы, когда раскаляются опъ жара окружающія Бахчисарай горы. Трепъя дверь ведеши въ ханскій диванъ, т. е. въ комнапу, гдѣ собирался государственный совѣтъ; въ нее есть входъ и чрезъ нереднюю, снаружи опъ большаго двора.

Когда я опишу шебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, разнствующихъ между собою однимъ только болышимъ или меньшимъ украшеніемъ на спѣнахъ. Какъ фасадъ спроенія не по прямой чертѣ, а городками, то первое должно замѣтить, что главныя залы освѣщены съ трехъ сторонъ, т. е. всѣ изъ фасада выступающія оныхъ спѣны всплошь окончателья. Другаго входа въ залу

нѣтъ, кромѣ одной двери боковой, не примѣтной между пиласпрами Аравскаго вку-
су, между коими и шкафы, такжे не примѣтные, находятся по всей шемной эпой
спѣнь. Надъ оными спекла (въ лучшихъ за-
лахъ) снуши и снаружи покоя, до попол-
ка, между коими сполишь украшения лѣпной
работы, какъ то: чаши съ плодами, съ цвѣ-
тами, или деревца съ чучелами разныхъ
птицъ. Пополки такжे, какъ и шемная
спѣна, сполярной работы и весьма краси-
вы: это поненѣкая вызолоченая рѣшетка,
лежащая на лаковомъ грунть, гуспаго кра-
снаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомые
мнѣ по Испаніи эстеры, т. е. рогожки
весьма искусно сплѣченныя изъ просни-
ка, родъ гениста и употребляемыя вмѣсто
ковровъ на полахъ кирпичныхъ или камен-

ныхъ. Для защиты отъ ярости лучей въ
комнатѣ, съ прехъ споронъ освѣщенной,
кромѣ спавней служатъ еще и цвѣтныя,
узорчатыя спекла въ окнахъ, любимое ры-
царскихъ замковъ укашеніе, безъ сомнѣ-
нія занятое Европейцами отъ вос точныхъ
народовъ, во время крестовыхъ походовъ.
Если въ заключеніе сего общаго описанія
ты предспавиши себѣ диванъ, п. е. по-
душки, нѣкогда изъ шелковыхъ шканей,
на полу лежащиѣ вокругъ всѣхъ спѣнъ,
изключая племной, ты будешь имѣть по-
нятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ прехъ
или четырехъ, передѣланныхъ для Импера-
трицы Екатерины II, въ Европейскомъ вку-
сѣ, съ высокими диванами, креслами и спо-
лами. Сія послѣдняя упваръ особливо драго-
цѣнна для насъ крещеныхъ, ибо во всѣхъ спра-

нахъ, гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣстѣ с полами употребляютъ низкія круглые скамьи, на которыхъ сидятъ подносы и ёдятъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги на полу.

Ты легко догадаешься можешь, чѣо въ споронѣ отъ сего строенія находился гаремъ, не приступный для всѣхъ, кромѣ хана, и для одного имѣющій сообщеніе чрезъ коридоръ съ дворцемъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разныя домики, въ коихъ нѣкогда жерпивы любви, или лучше сказать любоспрастія, помилися въ неволѣ, представляющій теперь печальную картину разрушенія: обвалившіеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но чѣо въ помъ пользы, когда то же время, рокомъ уничтожь опредѣленное, промежу для нихъ бе-

зоптрадно въ рабскихъ угожденіяхъ однолицъ, не по сердцу избранному другу, но жестпомому власнелину! На краю сего гарема стоятъ на большомъ дворѣ высокая шестигранная бесѣдка, съ решетками вмѣсто оконъ, изъ которой, какъ сказываютъ, ханскія жены, не видимыя, смотрѣли на игры, вѣзды пословъ и другія позорища. Иные говорятъ, будто шупутъ ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимицамъ своимъ. Это послѣднее попрому только вѣроятно, чѣмъ пѣшухъ съ семействомъ своимъ есть единственная картина, которую супругъ-мусульманъ можетъ представить невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. Между сею полусогнившою бесѣдкою и комнатою, о которой я говорилъ, на нижнемъ помостѣ,

съ мраморнымъ фонтаномъ , есть прекрасный цвѣтничекъ , гдѣ миртъ и розы могли нѣкогда внушать пѣсни Ташарскому Ана- креону ,

Но пора оспавитъ сіи грудь пѣснящіе памятники невольничества и выйпти подышать на чистомъ воздухѣ . Вонъ насущивъ большихъ воропъ , на концѣ двора , къ горѣ примыкающагося , террасы въ четыре уступа , на коихъ плодоносныя деревья , виноградъ на рѣшеткахъ и прозрачные источники , съ уступа на другой лющіеся въ каменные басейны . Можепъ бытъ , нѣкогда мурзы-царедворцы , уподобляя Гиреевъ владыкамъ Бавилона , сравнивали и террасы ихъ съ висящими садами Семирамиды : но теперЬ Крымское чудо сіе представляетъ видъ опустѣнія , такъ какъ и

всѣ памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоцѣннѣйшаго здѣсь сокровища, воды: многія прубы уже засорились, а нѣкоторые источники и совсѣмъ исчезли.

За мечетью, въ дворѣ, кладбище хановъ и султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоятся подъ бѣлыми, мраморными гробницами, осѣненными высокими шаполями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежатъ Менгли и опецъ его, основатель могущества царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде, нежели оспавимъ сюю юдоль сна непробуднаго, я укажу тебѣ описюда на холмъ, възвѣси съ верхней садовой террасы, на коемъ споипть красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: этто мавзолей прекрасной Грузинки, жены хана Керимъ-Ги-

рел. Новая Заира , силою прелестей своихъ, она повелѣвала тому , кому все здѣсь по- виновалось ; но не долго : увялъ райскій цвѣтъ въ самое упро жизни своей , и без- опирадный Керимъ соорудилъ любезной памятникъ сей , дабы ежедневно входить въ оный и упѣшалъся слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклоницься гробу красавицы , но иѣть уже болѣе вхо- да къ нему ; дверь наглухо заложена. Спран- но очень , что всѣ здѣшніе жители не- премѣнно хотятъ , чтобы эта красавица была не Грузинка , а Полячка , именно какая- то Попоцкая , будто бы похищенная Ке- римъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними , сколько ни увѣрялъ ихъ , что пре- даніе сіе не имѣетъ никакаго историче- скаго основанія и что во второй полови-

ѣ въ XVIII вѣка не такъ легко было Таша-
рамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои
остались безполезными: они сполнили въ
одномъ: красавица была Потоцкая; и я
другой причины упорству сему не нахожу,
какъ развѣ принятое и справедливое мнѣ-
ніе, что красота женская есть, такъ
сказать, принадлежность рода Потоц-
кихъ.”

